

К.А. ПУЗАНОВ

ЛЕТНИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ:ОПЫТ ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**Введение**

Статья посвящена анализу опыта студенческих полевых практик, которые Л.В. Смирнягин проводил в США начиная с 2012 г., и в частности в Нью-Йорке в 2013–2016 гг. Сложность анализа полевого опыта отсылает нас к тому, какую функцию, по замыслу Леонида Викторовича, должны выполнять подобные практики.

С одной стороны, они носят учебный характер: от студентов требуется освоение набора полевых метрик. В подобной интерпретации идеально, если практика всегда проходит на одном и том же полигоне, который преподаватели знают досконально. По подобной схеме организуются летние практики студентов 1-го курса географического факультета МГУ. Неоспоримый плюс подобного подхода: предзаданность результатов позволяет четче оценить, насколько хорошо студентом был усвоен полевой материал.¹

С другой стороны, во многом по инициативе Л.В. Смирнягина, каждый год для практики 2-го курса выбирался новый маршрут и новая сквозная тема. В 2014 г. это были города «Ржавого пояса» и итоги промышленной революции в США, в 2015 г. — различие образов Юга и Севера и т.д. Даже неизменные стационары в Нью-Йорке, занимавшие от недели и более, всегда в чем-то отличались друг от друга: в один год упор делался на внутригородском вернакулярном районировании, в другой — на этническом разнообразии.

Подобный двойственный подход к организации практики приносит свои плоды: не позволяет расслабиться ни преподавателям, которые каждый раз, по сути, проводят новое исследование, ни студентам, которые участвуют в реальной исследовательской деятельности. Результаты подобных выездов

Пузанов Кирилл Александрович, кандидат географических наук, MA in Sociology, доцент Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ.

E-mail: rodam1986@gmail.com

Статья посвящена систематизации опыта летних полевых студенческих практик кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В фокусе статьи находятся городские исследования, в частности изучение районов Манхэттена в рамках ежегодных (начиная с 2013 г.) полевых практик. Статью можно условно разделить на две части: методическую и эмпирическую. В первой части описываются те методики, которым обучаются студенты, а во второй — некоторые результаты наблюдений районов Манхэттена, которые были собраны за последние четыре года.

Ключевые слова: полевые исследования; вернакулярный район; ментальные карты; дифференциации городского пространства; фото-GPS

нельзя считать научными в строгом смысле слова, так как студенты только обучаются полевым методам. Однако воспринимать те находки, которые сделаны в рамках практики, как «приглашение к разговору», безусловно, можно. Регулярно на 3-м курсе (сразу после практики) студенты меняют темы своих квалификационных работ, стараясь в более научном ключе разобраться с теми феноменами, которые они изучали во время полевых выездов.

Двойственная специфика полевых практик во многом отражается и на нестандартном формате данной статьи. Вопреки текстуальной максиме Л.В. Смирнягина «Никого не интересует *как* вы искали, всех интересует *что* вы нашли!», которую он приписывал П. Пикассо², статья будет посвящена и вопросу *как*, и вопросу *что*. В первой части описываются основные полевые методы, которыми мы пользуемся при исследовании городов.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 17-03-00848).

² Среди цитат П. Пикассо автору не удалось найти аналогичную.

Во второй части приводится обзор результатов исследований Манхэттена, полученных с применением этих методов.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в систематизации исследовательского опыта (в том числе и методического), накопленного в рамках полевых студенческих практик и научных экспедиций.

Автор благодарит студентов, чьи материалы были использованы при написании данной статьи: Никиту Чернышева и Ксению Вознюк (практика 2014 г.), Ивана Алова и Галину Фомину (практика 2015 г.).

Методики сбора информации

Подобное пристальное внимание к методологической части не случайно. Можно назвать как минимум две причины выбора именно этих методов для обзора в данной статье: их техническая простота и результативность, а также институциональное родство их авторов.

Все рассматриваемые самостоятельные методы или же трактовки уже существующих техник — как в случае с ментальными картами — были разработаны студентами и сотрудниками географического факультета МГУ во время полевых практик или научных экспедиций. Подобное институциональное родство проявляется и в самой сути этих методов. Разработанные в рамках единой научной парадигмы и зачастую единых полевых условий, эти методы обладают общими родовыми признаками: простотой, надежностью и вниманием к внутригородской дифференциации. Они позволяют небольшой группе исследователей в короткий срок собрать массив данных о городе. Данное качество делает именно эти методики незаменимыми при том двойственном характере студенческих практик, о котором мы упомянули во введении.

Однако потенциальная применимость данного опыта выходит далеко за пределы образовательного процесса. Описываемые в данной статье методы с легкостью могут быть использованы в рамках любых проектов, подразумевающих сбор и анализ пространственных данных. Актуальность данных методов заключается в том, что даже самые подробные статистические выкладки — учитывая информацию от сотовых операторов и другие примеры BigData — обладают родовой травмой предзаданной концептуализации. Осно-

вываясь на подобных данных, исследователь может говорить о городе лишь в тех терминах, в которых они позволяют ему это делать. В свою очередь, полевые исследования позволяют увидеть определенную территорию во всем ее индивидуальном многообразии и единстве одновременно.

Дифференциация городского пространства

Подробнее эта методика описана в соответствующей статье С.Г. Павлюка [Павлюк, 2015]. В рамках данной статьи мы приведем ключевые положения и идеи.

Методика дифференциации городского пространства (далее ДГП) стала ответом сразу на два запроса со стороны российского исследовательского сообщества: недостаток внутригородской статистики и отсутствие комплексного подхода к исследованию городской среды. Она была разработана для изучения российских городов, по которым зачастую отсутствовала подробная статистическая база. Методика ДГП позволяет в короткие сроки силами небольшой исследовательской группы собрать весомый массив информации, затрагивающий сразу несколько сфер городской жизни и позволяющий взглянуть на город как на комплексный объект.

В основе данной методики лежит представление о городской среде как о единстве и взаимном влиянии множества подсистем. Анализ российских городов выявил пять видов подобных подсистем: рельефно-планировочную, функциональную, архитектурную, социально-экономическую и ментальную.

Рельефно-планировочная ДГП передает разнообразие физико-географических параметров территории и их отражение в планировочной структуре города³.

Функциональная ДГП — функциональное зонирование города, в зависимости от характера использования отдельных территорий самими жителями, правительством и/или бизнесом. Как правило, выделяются зоны жилой застройки, хозяйственного использования, рекреационные и административно-деловые. Однако в зависимости от специфики конкретного города этот список может

³ Например, в индивидуальной жилой застройке плакорные территории характеризуются правильной ортогональной сеткой улиц, склоновые — хаотичной, а террасированные склоны — линейно ориентированной.

дополняться уникальными для города или региона в целом зонами⁴.

В **архитектурной ДПП** акцент сделан на времени постройки, этажности, строительных материалах и архитектурном стиле. Выявление районов данного вида ДПП позволяет проследить историческое развитие города, выявить перспективные направления его роста и возможные проблемные территории.

Социально-экономическая ДПП — пожалуй, самая сложная из пяти подсистем. Здесь учитываются все социально-экономические феномены, обладающие внутригородской дифференциацией: экологическое благополучие, преступность, возрастной, этнический и классовый состав населения и пр. Подобная многогранность может показаться слабым местом методики, так как по факту социально-экономическая ДПП может включать все что угодно. Однако именно эта лазейка позволила успешно транспонировать методику с российских на американские города.

Ментальная ДПП изучает восприятие городского пространства самими горожанами, то есть не характеристики территории или общества, а восприятие жителями города этих характеристик. Ключевое внимание в этой подсистеме уделяется вернакулярным районам, то есть районам общества, выделяемым самими жителями данной территории⁵. Для выявления ментальной ДПП используются социологические методы, в частности количественный опрос населения и экспертные интервью.

Выделяется три основных этапа исследования: предварительный, полевой и камеральный.

Предварительный этап работы ставит целью собрать как можно больше данных о городе изучения и его возможной дифференциации. Глобально можно разделить этап предварительного поиска материала на две части⁶:

- 4 Опыт исследования Нью-Йорка в рамках полевой практики 2017 г. показывает, что разделение рекреационных зон на индивидуальные и общедоступные не в полной мере отражает специфику функционального зонирования Манхэттена. В частности, существование такого феномена, как «общинные сады» (community gardens), вынуждает исследователей вводить дополнительные различия в функциональное зонирование.
- 5 Подробнее о них см. в разделе «Внешний и внутренний стереотипы территории».
- 6 Это разделение очень схоже с популярным разделением на «Hard» и «Soft». В данном случае в роли

1. Изучение экономико-географического положения города (выявление макро-, мезо- и микроположения, направления его роста и влияния этих факторов на его внутреннюю дифференциацию) и тех исторических предпосылок, которые на него повлияли. Это классический с точки зрения географического факультета МГУ подход, подразумевающий сбор статистической и аналитической информации об экономике, населении и истории города.

2. Изучение образа города и составляющих его частей. На этом этапе важно выдвинуть гипотезы о том, что про свой город думают сами его жители. Существуют ли «городские мифы» или «городские герои»? Как сами жители делят территорию города? Поиск ответов на эти и многие другие вопросы стал существенно легче с внедрением информационных технологий в повседневную жизнь горожан. Поиск информации легче всего вести на соответствующих форумах, анализировать электронные карты Wikimapia и посты в тематических сообществах в социальных сетях.

На полевом этапе параллельно выполняется несколько процессов: картография собранного на основе ежедневных полевых маршрутов материала по пяти подсистемам ДПП, продолжение поиска и знакомства с литературными и статистическими источниками⁷, интервью с экспертами и опросы населения.

Камеральный этап работы, как правило, происходит уже не в городе изучения. Этот этап предполагает сведение воедино полученного массива данных, его анализ, а также написание финального отчета.

Фото-GPS

Строго говоря, под данным названием подразумевается не самостоятельная методика, а скорее метод (или технология) сбора полевых данных. В отличие от концепции ДПП, метод «фото-GPS» не является способом по-

первого выступает материально-техническая и социально-экономическая база города, а в роли второго — образ города.

- 7 В зависимости от специфики города знакомство с литературными и статистическими источниками может подразумевать разные форматы деятельности: посещение краеведческого отдела или отдела периодики местной библиотеки, визит в отдел статистики городской администрации, поход в музей, посвященный истории города и пр.

знания и исследования города, а скорее техническим способом сбора больших массивов данных. Таким образом, речь идет о своего рода «надстройке», оптимизирующей полевые наблюдения. Изначально данная технология создавалась как вспомогательная по отношению к методике ДГП. С течением времени и не в последнюю очередь благодаря полевым практикам Л.В. Смирнягина спектр возможных задач, решаемых с ее помощью, вышел далеко за пределы изначального узкого круга вопросов дифференциации городского пространства. Как и в случае с ДГП, специфика данной технологии подробно описывается в отдельной статье [Гончаров, Сапанов, Яшунский, 2013].

Технология «фото-GPS», как и ДГП, — ответ на недостаток или неудовлетворительное качество внутригородской статистики. В то же время она задумывалась как ответ на «проблемные» точки наиболее простых полевых методов, вроде так называемого визуально-картографического. Под этим понятием подразумевается способ осмотра города с параллельной фиксацией наблюдений на бумажных носителях (прежде всего контурной карте). В случае небольших исследований применение «визуально-картографического» метода демонстрирует хорошие результаты. Однако с увеличением сложности задач и роста числа участников сильнее проявляются его недостатки, которые могут существенно снизить общее качество исследования.

К числу основных проблем «визуально-картографического» метода (как и других «аналоговых» методов сбора полевых данных), по мнению авторов методики, можно отнести:

- неоднозначность трактовки наблюдаемых явлений разными участниками исследования;
- ручное фиксирование полевых наблюдений на бумажных носителях;
- недостаточная детальность составляемых в процессе работы картосхем;
- субъективность оценок наблюдаемых явлений — системная ошибка, связанная, к примеру, с балльной оценкой одного и того же явления разными наблюдателями;
- «человеческий фактор» — случайная ошибка, которая может быть связана как с характеристиками наблюдателя, так и с внешними обстоятельствами;
- невозможность проверки качества и достоверности проведенных полевых исследований.

Метод «фото-GPS» призван нивелировать эти недостатки полевых исследований путем систематизации сбора и хранения полевых данных и перехода от «аналоговых» носителей к цифровым. Многолетний опыт участия в полевых исследованиях привел авторов к мысли о том, что это возможно при условии применения технических средств, освобождающих исследователя от части рутинной работы на маршруте.

Ключевое технологическое решение, предложенное авторами метода, — фиксирование изображений наблюдаемых явлений и их положения в пространстве с помощью цифровых устройств (фотоаппарата и GPS-приемника соответственно) и последующая компьютерная обработка данных. Цифровой фотоаппарат давно уже не только не является предметом роскоши, но и встроен почти в каждый телефон, как и модуль геопривязки. Фактически новизна технологии, по заявлению самих авторов, заключается исключительно в сочетании решаемых задач, применяемых технологий и организации процесса.

Суть метода достаточно проста, поэтому на ней мы остановимся лишь вскользь, оставив место для обсуждения тех плюсов, которые он может дать исследователю. Сопоставление сделанных во время полевого маршрута фотографий и записанного GPS/ГЛОНАСС-трека происходит с помощью вычисления отклонения времени создания каждой фотографии (этот атрибут автоматически фиксируется большинством фотоаппаратов) и треком. Таким образом, фотографии, снабженные определенным атрибутивным описанием, могут быть загружены для дальнейшего анализа, например, в геоинформационную систему (ГИС).

Дальнейшая работа, если опустить технические подробности, заключается лишь в разборе фотографий по папкам в соответствии с теми объектами или явлениями, которые требовалось картографировать. Разбор фотографий может подразумевать также внутреннюю классификацию объектов. К примеру, одним из индикаторов благоустройства могут выступать места утилизации мусора, которые наравне с другими индикаторами могут быть сфотографированы во время полевого маршрута. При этом места сбора мусора будут сильно различаться по внешнему виду, чистоте, сортировке отходов и т.д. Введение балльной классификации для набора подобных индикаторов позволяет получить набор точечных

объектов для дальнейшего ГИС-анализа и построения картосхем, иллюстрирующих пространственное распределение изучаемого явления (в частности, того же благоустройства).

В рамках исследования городского пространства целью может быть как сбор информации о пространственном распределении некоторых объектов, так и выявление пространственного аспекта некоторого явления. Например, можно картографировать велосипедные парковки (объекты), а можно собирать пространственные данные о практиках катания на велосипеде (явление). Однако важное условие картографирования какого-либо явления — выработка списка объектов-индикаторов, характеризующих его. При этом, естественно, какие-то объекты-индикаторы свидетельствуют о высоком уровне благоустройства, а какие-то — наоборот, о низком. Наличие списка таких заранее определенных объектов позволяет придать исследованию количественный аспект и повысить объективность получаемых результатов.

Основное преимущество данного метода, помимо увеличения точности измерений, заключается в гибкости категоризации объектов-индикаторов. Наличие фотографий объектов-индикаторов позволяет уже на камеральном этапе изменить критерии их отбора.

Приведем пример. На этапе подготовки перед исследователями была поставлена задача изучить внутреннюю дифференциацию досуговых практик посетителей крупного городского парка. На этапе выбора индикаторов мы можем предположить, какие это могут быть практики, но не предоставить их закрытый список. Таким образом, на полевом этапе исследователи фотографируют всех посетителей парка. В процессе сбора материала у них, безусловно, появляются свои представления о классификации досуговых практик, которые могут дополнить изначально заданный список. За счет этого на камеральном этапе с учетом полученного опыта выводится новый список практик, который становится основой для классификации собранного материала.

Таким образом, данная технология позволяет хотя бы частично избежать системной ошибки предзаданной категоризации, которая нередко сопровождает полевые исследования. Это значимо не только в случае использования «визуально-картографического» метода, но и более современных технологий.

Например, в последние годы популярным становится сбор данных с помощью мобильных приложений, построенных на базе геоинформационных систем. Несмотря на высокую скорость сбора данных (в частности, возможности синхронизации с сервером в режиме реального времени), основным лимитирующим фактором их применения является сложность, а зачастую и невозможность внесения изменений в заранее подготовленные шаблоны сбора полевых данных после начала полевого этапа.

Вернакулярные районы и их границы

В силу научных интересов Л.В. Смирнягина часто городские исследования в рамках практик включали изучение такого феномена, как *вернакулярный район*. Ключевая идея данного феномена заключается в том, что территориальная дифференциация современных крупных городов во многом зависит от ментальных представлений горожан о районах своего проживания. Всем горожанам в равной степени присуща потребность в дифференциации освоенного ими пространства. Наполняя окружающую территорию смыслами, давая окружающим объектам названия, дифференцируя среду своего обитания, человек осваивает ее и делает более комфортной для себя. Также важно, что при освоении городской среды человек ориентируется не на строгие экономические или физико-географические реалии, а руководствуется своими внутренними ментальными представлениями о ней. Сеть вернакулярных районов — это и есть территориально структурированные представления горожанина о месте своего обитания. Каждый подобный район обладает своим собственным уникальным образом — усредненным и общепризнанным представлением о нем.

В рамках полевых студенческих практик особое внимание уделяется исследованию границ этих районов. Ментальные границы существуют исключительно в представлениях горожан. Однако это не говорит об отсутствии нерелефлексированных ими физических или социально-экономических причин выделения района в определенных границах [Пузанов, 2013]. Более того, ментальные границы внутригородских вернакулярных районов складываются под определяющим влиянием социально-экономической дифференциации городского пространства и от его физического ландшафта. Однако какой из множества социально-экономических или физических крите-

риев сыграл свою роль в формировании конкретного района, сказать не всегда просто.

Для прояснения этого вопроса используется комбинация данных, полученных при использовании методики ДГП и уличных опросов. Приблизительные границы вернакулярных районов известны, как правило, еще до полевого этапа. В случае с американскими городами, и в частности с Нью-Йорком, в этом очень помогают путеводители, ориентированные на тех, кто планирует сменить место жительства. Пространство описываемого города в них поделено на сеть вернакулярных районов. Чаще всего подобная сетка создается на базе экспертного знания риелторов и не тождественна образу города, сложившемуся у горожан. Однако она закладывает базу для полевого исследования. В частности, студенты, обходя границы предполагаемого района, могут уточнить их при помощи простого уличного опроса.

Внешний и внутренний стереотипы территории

Еще одной темой, изначально разработанной в рамках студенческих практик и связанной с вернакулярными районами, стало изучение внутреннего и внешнего стереотипов. Подробнее этот вопрос разобран в статье [Пузанов, 2012]. В общих чертах идея заключается в том, что у каждого вернакулярного района есть совокупный стереотип — когнитивная часть образа этого района. Он формируется под воздействием в первую очередь внешнего и внутреннего стереотипов.

Обилие разнородной информации, которая окружает человека, стимулирует его к некоему ее упорядочиванию, в том числе в форме стереотипов. «Стереотип района» подразумевает, что характеристики, приписываемые конкретной территории, общеприняты для подавляющего большинства представителей определенной социальной группы. Наличие стереотипа территории замещает процесс построения и рефлексии ее образа, сокращая тем самым временные и эмоциональные затраты на принятие определенных поведенческих решений. В отличие от «образа территории», который в равной степени состоит из аффективного, когнитивного и ценностного компонентов, стереотип территории фиксирует в себе в первую очередь когнитивную составляющую, а аффективный и ценностный компоненты или совсем

отсутствуют, или же выражены достаточно слабо, чтобы играть значительную роль. В самом простом переложении внутренний стереотип — то, что думают о территории ее непосредственные жители, а внешний — представление о районе всех остальных, кто когда-либо о нем слышал. Ключевая идея данного исследовательского метода заключается в следующем: совокупный стереотип района, отражающий фактическое развитие территории, будет развиваться по результирующей двух этих стереотипов. Например, если жители района считают свою территорию обычной с точки зрения безопасности, а все остальные горожане считают его самым криминальным районом города, то он будет становиться все более и более небезопасным, в том числе за счет механизмов рыночной экономики. Цены на жилье в подобном районе будут снижаться, а местное население постепенно замещаться горожанами с более низкими доходами. В тех же случаях, когда внешний и внутренний стереотипы действуют в различных направлениях и примерно равны по силе, по этой логике никаких изменений происходить не должно.

Прямые научные доказательства этой идеи привести сложно. Однако в рамках научных студенческих экспедиций мы периодически встречали подобные примеры: в частности, район Поповка в Смоленске. Большинство горожан считали этот окраинный район криминальным гетто, населенным цыганами. В то же время сами местные жители описывали его как безопасный и комфортный дачный поселок в черте города, населенный преимущественно пенсионерами.

Для измерения результирующей внешнего и внутреннего стереотипов используются социологические опросы. Суть анкеты в том, чтобы респонденты оценивали район по ряду показателей: уровень безопасности, благосостояния, открытость, дружелюбие и пр. Собранные данные агрегируются по основанию этих показателей, превращаясь в векторную модель. Количество измерений этой модели зависит от количества измеряемых показателей, а длина вектора задается средними значениями ответов респондентов. В этом случае не составляет труда рассчитать вектор внешнего и внутреннего стереотипов, а также их результирующую.

В идеальном случае набор показателей, по которому измеряется район, должен описывать все многообразие сфер городской жизни: от безопасности до возможностей само-

выражения и культуры. Однако в реальных полевых условиях возникают временные и финансовые ограничения. К тому же сама анкета лимитирована по количеству вопросов, которые можно задать одному респонденту. В связи с этим набор показателей можно редуцировать до самых базовых: безопасности и имущественного статуса.

Ментальная картография

Еще одним методом, косвенно связанным с концепцией вернакулярных районов, но также направленным на исследование внутригородской ментальной дифференциации, стало ментальное картографирование. Этот метод имеет давнюю историю в социальной психологии, а в географии и урбанистике разработан достаточно слабо. Из современных исследователей, старающихся придать ментальному картографированию большую структурированность, стоит отметить К.П. Глазкова [Глазков, 2015].

Ключевое преимущество данного метода — честность респондента. Язык рисунков для большинства не является привычным, поэтому и врать, пусть даже и неосознанно, респонденту сложнее. Кроме того, в ментальных картах нет проблем с сенситивными вопросами или социально одобряемыми ответами, как если бы мы проводили то же исследование стандартными социологическими методами. Прямым продолжением этого достоинства становится основная проблема этого метода — отсутствие четких параметрических критериев анализа. Это приводит к тому, что интерпретация собранного материала часто подвергается критике, которую исследователю сложно отразить.

Однако в рамках полевых студенческих практик постепенно выкристаллизовывается своя схема анализа ментальных карт, которую здесь мы приведем в кратком содержании, сохраняя надежду на появление в будущем самостоятельной методологической статьи, посвященной нашему видению данного феномена.

Процесс сбора полевого материала на первый взгляд предельно прост. Исследователи просят респондента схематично нарисовать какую-либо территорию⁸ на стандартизованном листе (обычно А4), отмечая цифрами по-

следовательность отрисовки объектов. В некоторых исследованиях респондентов также просят рассказать о том, что они нарисовали, — создать нарратив по поводу созданной ими карты. Однако уже на этом простом этапе возникают определенные сложности.

Первое, на что мы обращаем внимание при общении с респондентом, — максимальная обезличенная просьба. Начиная рисовать, респондент не должен знать о цели исследования, о личности исследователя и пр. В противном случае он начинает подстраивать свою карту под собственные представления о том, что нужно исследователю. Подробнее этот вопрос мы разберем в разделе «Эксперимент с ментальными картами» во второй части настоящей статьи.

Вторая, менее значительная, проблема, с которой легко столкнуться при сборе материала, — отказы, мотивированные неумением рисовать. С этим легко бороться, честно поясняя респонденту, что его изобразительные способности роли не играют и никак не будут оцениваться в исследовании. Именно указание на отсутствие подобной оценки лучше всего сказывается на готовности респондента.

Этап анализа не столь однозначен. Не существует четких критериев оценки наподобие анализа количественных данных. Однако опыт полевых практик позволил выявить ряд аспектов, на которые стоит обращать внимание.

Первое, что бросается в глаза, — объекты, с которых респондент начинает рисовать карту. Как правило, это не самые значимые объекты для респондента, но ключевые для понимания города в целом. В частности, Москву респонденты чаще всего начинают рисовать или с МКАД, или с вылетных магистралей. Альтернативными вариантами старта для московских карт является схема метро, а для студентов, недавно приехавших в Москву из других городов, — один из столичных вокзалов. В очень редких случаях респондент начинает рисовать город со своего района. Обычно это показатель сильной территориальной идентичности по отношению к данной территории.

Расположение карты на стандартном листе может подсказать исследователю, является ли рисуемый объект частью большей системы. Это легко заметить при анализе карт московских студентов, живущих на территории Новой Москвы. Просьбы нарисовать их район обычно приводят к тому, что они или начинают его

⁸ В зависимости от целей исследования это может быть район, город в целом, отдельный крупный объект, к примеру парк, и пр.

рисовать в углу карты, оставляя до $\frac{3}{4}$ листа незаполненными, или в углу же располагают врезку, где показывают расположение нарисованного района на схематичном изображении Москвы. В случае с Манхэттеном респонденты, несмотря на необходимость нарисовать лишь этот район, часто начинали рисовать соседей (Бруклин, Бронкс, Квинс и пр.), показывая, что эта территория находится в жесткой связке с другими районами города.

Рисуя карту, респондент сам проводит процесс генерализации, выбирая, какие объекты, по его мнению, достойны отображения на листе. Однако даже среди отобранных объектов есть своя внутренняя иерархия. Существует два базовых способа «спецификации объектов» — указания на их особый статус: топонимы и трехмерность изображения. Особое внимание стоит уделить не формальным топонимам — к примеру, названиям улиц, — а местным вернакулярным названиям, которые отсутствуют на официальных картах.

Уже из краткого обзора представленных полевых методов видно, что они позволяют с разных точек зрения посмотреть на неоднородность городской среды, причем сделать это на самых разных масштабных уровнях: от небольшого соседства до мегаполиса в целом. Более того, эти методы могут дополнять друг друга. Для более детального исследования феноменов и сбора данных в рамках метода ДГП может быть использован метод «фото-GPS», а ментальная городская подсистема может быть изучена методом соответствующего картографирования. Обучение студентов этим методам преследует двойственную цель: показать им город во всем его многообразии и единстве одновременно.

Пересборка Манхэттена: опыт полевого исследования

Эта часть статьи посвящена обзору полевого опыта исследования Манхэттена, который был получен с применением описанных ранее методов.

Эксперимент с ментальными картами⁹

Суть эксперимента, который проводился со студентами в рамках практики 2014 г., заключается в разборе того, как влияет образ

интервьюера на итоговые карты. В рамках эксперимента студенты были поделены на две группы: одни представлялись туристами и просили нарисовать схематичный план Манхэттена, а другие представлялись студентами-исследователями. Помимо карт у всех респондентов спрашивали район их жительства. Также фиксировались возраст и пол. Итоговый массив данных — 68 карт (33 «туристических» и 35 обычных).

В обоих случаях отрисовка острова началась одинаково: респонденты наносили на карту границы острова и Центральный парк. Те, кто проживал в Гарлеме или других районах северного Манхэттена, охотнее рисовали весь остров. Жители центральных и южных районов ограничивались лишь его южной частью, начиная с середины Центрального парка. Этот факт интересен сам по себе. Несмотря на одинаковую просьбу «нарисовать план Манхэттена», жители южных районов «отказали» Гарлему в праве быть частью острова.

Однако на этом сходства «туристических» и обычных карт закончились. Направления, в которых дальше двигались респонденты, можно описать как дискретное и континуальное. Дискретными оказались «туристические» карты. Основной упор при их отрисовке респонденты сделали на сеть точечных туристических объектов. Многие из них оказались расположены со значительными пространственными погрешностями. При этом респонденты почти не давали личных советов, ограничиваясь стандартным набором туристических достопримечательностей. Сама по себе дискретность восприятия туристического города не нова. Однако в данном случае нас удивило, что этот формат мышления стал основным и для местных жителей, лишь рисуя туристический город.

Обычные карты, напротив, редко содержали точечные объекты. В тех случаях, когда точечные объекты все же появлялись на картах, они были вписаны в более крупные системы своего района. Мы называем эти карты континуальными потому, что их основу составили районы и улицы. На этих картах Манхэттен был разделен на сеть соседств, связанных между собой улицами, линиями общественного транспорта и пр. Более того, сам Манхэттен был вписан в систему остального города за счет отрисовки мостов и соседних районов: Бронкса, Бруклина, Квинса и пр. На картах также появлялись элементы повседневной жизни горожанина: дома, работа,

⁹ По материалам практики по городам «Ржавого пояса» 2014 г.

место учебы. Часто эти районы были гиперпрофирированы по размеру относительно территории острова.

Самым наглядным доказательством влияния образа интервьюера стала статуя Свободы. Она была указана практически на всех «туристических» картах и ни на одной обычной.

Генезис¹⁰

Одним из нерешенных вопросов для исследователей вернакулярных районов является их генезис. На этот счет существуют полярные мнения:

1. Это продукт творчества журналистов и краеведов, который «ушел в народ».

2. Вернакулярный район — результат низовой самоорганизации, когда сами горожане в своей повседневной жизни «создают народные районы». Журналисты и исследователи в данном случае лишь фиксируют уже сложившуюся реальность. Этой позиции придерживался Л.В. Смирнягин.

3. Главным фактором является характеристика среды: особые условия, выделяющие данную территорию на фоне соседей. Спектр средовых характеристик может быть сколь угодно широк: от микроклиматических условий и рельефа¹¹ до специфики налогообложения и архитектурных особенностей.

4. Главенствующая роль в образовании вернакулярного района принадлежит какому-либо объекту или событию, в редких случаях — личности. В этой концепции у района появляется некое ядро — физическое или нарративное. С этим ядром неразрывно связаны и образ, и локальные мифы района.

Поставить точку в этом споре, основываясь лишь на данных студенческих практик, мы не сможем. Но полевой опыт подсказывает, что все рассмотренные позиции имеют право на существование. Более того, почти в каждом из изученных районов можно увидеть следы всех четырех концепций.

На территории Нижнего Манхэттена, исследованной в рамках практики 2014 г., было найдено 20 вернакулярных районов (рис. 1).

Пример района с ярко выраженным ядром — Флэтайрон (Flatiron district). Многие

Рис. 1. Вернакулярные районы Нижнего Манхэттена

Примечание. Карта составлена по результатам студенческой практики 2014 г.

исследователи отказывают этому району в самостоятельности, включая его в состав более крупного соседа — Челси, однако местные жители стабильно используют данный топоним в повседневной жизни. Своим названием район обязан знаменитому «зданию-утюгу» (Flatiron building), которое является его значимой архитектурной доминантой. Интересно, что подобное название району дали лишь в 1985 г., хотя здание было построено еще в 1902 г. и сразу стало архитектурным символом территории. Переименование района связано с этапом его вторичного освоения: в конце 1980-х район начал активно джентрифицироваться.

Пример района с преобладающей низовой самоорганизацией — Гринвич-Виллидж. Когда территория современного Манхэттена только начинала застраиваться, здесь располагался небольшой поселок. С течением времени сельский образ жизни был вытеснен городским, но в сознании большинства местных жителей этот район так и остался тихой

¹⁰ По материалам практики по городам «Ржавого пояса» 2014 г.

¹¹ В американских городах территории, расположенные на возвышенностях, очень часто становятся отдельными вернакулярными районами.

и уютной «городской деревней». Это наложило определенные средовые ограничения: район застроен преимущественно жильем, кроме того, здесь нарушается прямоугольная уличная сеть, что практически невозможно встретить в районах, расположенных севернее. Однако явное средовое единство здесь встретить сложно: застройка разного времени и этажности сменяет друг друга.

Пример района с яркой средовой характеристикой — Сохо. Бывший производственный район, застроенный текстильными фабриками, переоборудованными под жилые помещения. У Сохо есть своя архитектурная «визитная карточка» — чугунные элементы на фасадах зданий.

Границы¹²

Анализ существующих карт вернакулярных районов Манхэттена вынуждает нас признать, что их границы весьма и весьма непостоянны: они меняются во времени и неодинаково воспринимаются разными исследователями. Помимо несоответствий в границах, можно обнаружить различия в самом наборе районов. Однако все это лишь усиливает наш интерес к данной теме, ведь концепт границ применительно к вернакулярным районам раскрывает весь свой потенциал: они могут иметь барьерную или контактную функцию, могут быть замкнутыми или с разрывами, могут носить линейный или площадной характер и т.д.

Исследование проводилось двумя способами: опрос местных жителей и ДПП. Полученные результаты сравнивались с уже существующими картами вернакулярных районов. По итогам проведенного исследования можно говорить как минимум о трех феноменах, сопряженных с границами вернакулярных районов: конкуренции, экспансии и замещении.

Конкуренция

Под конкуренцией в данном случае подразумевается соперничество двух соседних районов на приграничной территории. Яркий пример такого соперничества — Вест-Виллидж и Гринвич-Виллидж. Оба района известны горожанам как места жительства богемы:

художников, дизайнеров, модельеров и пр. Различия незначительны: Гринвич-Виллидж чаще ассоциируется с активной ночной жизнью, а Вест-Виллидж — с тишиной и домашним уютом.

Предположительно именно схожесть образов обоих районов порождает в головах местных жителей некоторую путаницу. Опрос проводился вблизи Шестой авеню — предполагаемой границы этих районов. Оказалось, что по мере приближения от центра района к этой границе возрастает неопределенность по поводу того, в каком конкретно районе находится пешеход. Более того, упоминая оба района, некоторые респонденты называли Гринвич-Виллидж частью Вест-Виллиджа, а некоторые — ровно наоборот.

Дальнейшее развитие этих территорий может пойти как по пути ассимиляции, если образ одного района возобладает над другим, так и по пути размежевания, если образы этих территорий будут наращивать различия.

Экспансия

В случае асимметричной конкуренции, когда один из районов значительно превосходит своих соседей по силе образа, запускается процесс экспансии. Примером этого на Манхэттене может служить Чайнатаун. Сравнение с данными предыдущих исследований показало, что западная и юго-западная границы района, проходящие по Сентер-стрит и Уорт-стрит соответственно, устойчивы, так как здесь наблюдается яркий функциональный переход от торгового и жилого Чайнатауна к административному центру. Юго-восточная и восточная границы, разделяющие Чайнатаун и районы муниципального жилья, постепенно смещаются. По мнению большинства местных жителей, уже через несколько лет эти территории станут полноправной частью Чайнатауна. Местные жители объясняют это в том числе тем, что в этой части Нижнего Ист-Сайда нет крупных диаспор, которые бы считали эту территорию своей и боролись бы за обладание ею. Это могло бы стать барьером для экспансии.

Это не первый опыт экспансии Чайнатауна. Еще в середине XX в. с севера он был ограничен районом Маленькая Италия. Сейчас она существует лишь как подрайон Чайнатауна. Крупный и некогда яркий район редуцировался до одной улицы итальянских ресторанов. Предположительно Маленькая Италия

¹² По материалам практики по городам Севера и Юга США 2015 г.

будет существовать и дальше, но лишь в усеченном формате туристической достопримечательности.

Замещение

Феномен замещения, или, как его изначально сформулировал Л.В. Смирнягин, «эффект раковины», подразумевает полное изменение образа района без изменения его границ [Пузанов, 2013]. Характерным примером данного феномена может служить вернакулярный район Кастро в Сан-Франциско. В 1910-е годы квартал был известен как «Маленькая Скандинавия» из-за большого количества проживавших здесь североевропейских иммигрантов. С 1930-х и вплоть до 1960-х годов в районе жили в основном ирландцы. Во время расцвета движения хиппи (его центром был соседний район Хейт-Ашбери) Кастро стал быстро превращаться в центр гей-движения. Тем не менее все эти преобразования внутреннего содержания района не затронули его границы.

На примере Манхэттена можно увидеть развитие этой идеи, когда риелторы и городские власти пытаются подменить образ района, сохраняя его границы. Так, во второй половине XX в. была предпринята попытка переименования района Хелс-Китчен в Клинтон. Причиной этому послужило не только неблагозвучное название района, но и его история. Известный еще с 1850-х годов район Хелс-Китчен на протяжении первой половины XX в. ассоциировался с ирландской мафией и особенно тяжелыми условиями жизни простых жителей.

Пока были свежи негативные воспоминания, к переименованию относились нейтрально. Однако со временем попытки смены названия вызывали все больше и больше протестов со стороны местных жителей. Несмотря на обилие негативных ассоциаций из прошлого, смена названия воспринималась ими как отречение от истории района. На данный момент, несмотря на все усилия местных властей и бизнеса, лишь 25% жителей района смогли вспомнить о существовании такого названия, как Клинтон, но

и они не пользуются им в повседневной жизни.

Заключение

Подводя итоги, важно акцентировать внимание на двух системных выводах, которые можно условно озаглавить как «геософия» и «один в поле — воин».

Первый вывод связан с именем американского географа Дж.К. Райта, который утверждал, что даже если на Земле не останется ни одной неисследованной географической области, для географов все равно останется море работы. Настанет время изучать те миры, которые существуют в головах самих людей, так как для прогнозирования их действий эти знания не менее важны, чем физическая или экономическая география. Его идея заключалась в создании новой отрасли знания — «геософии», которая бы изучала все возможные представления о пространстве: от научных фактов до обывательских стереотипов. Опыт полевых практик показывает, что исследуемый таким образом Манхэттен может представиться нам совершенно в новом свете, что создаст основу для теоретизирования или проектной деятельности.

Второй системный вывод — высокий потенциал малых исследовательских групп при анализе городской среды. Студенческая группа менее чем из 20 человек за несколько дней вполне может собрать и проанализировать такой объем материала, который заложит фундамент для крупного общегородского исследования. Фактически многие из описанных методик могут быть использованы исследователями-одиночками. Это потребует несколько больших временных затрат, но с высокой вероятностью принесет ощутимые результаты.

В статье мы не раз акцентировали внимание на том, что результаты студенческих практик не могут считаться научными в строгом смысле этого слова. Однако и полностью игнорировать их не стоит. В нашей интерпретации результаты студенческих практик — приглашение к диалогу. Причем к диалогу на самом высоком научном уровне.

Источники

- Глазков К.П. Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2015. Т. 7. № 3. С. 106–117.
- Гончаров Р.В., Сапанов П.М., Яшунский А.Д. Технология сбора пространственных данных в полевых городских исследованиях // *Социология власти*. 2013. № 3. С. 57–72.
- Павлюк С.Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США) // *Региональные исследования*. 2015. № 2. С. 26–36.
- Пузанов К.А. Внутригородская самоорганизация общества на примере США, России и стран Европейского союза: автореф. дисс. канд. ... геогр. наук. М.: МГУ, 2013.
- Пузанов К.А. Стереотипы внутригородских районов // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2012. Т. 5. № 2. С. 13–18.
- Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // *Социология власти*. 2013. № 3. С. 27–38.

KIRILL PUZANOV

SUMMER STUDENT PRACTICES: EXPERIENCE OF URBAN STUDIES

Kirill Puzanov, PhD in Geography, MA in Sociology, Associate Professor, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics; 8 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation.

E-mail: rodam1986@gmail.com

Abstract

This article systematizes the experience of the summer field practice completed by students of the Department of socio-economic geography of foreign countries of the Geography Faculty of the Moscow State University. Urban studies are the focus of this article, in particular the study of Manhattan neighbourhoods, which have been researched by students annually since 2013. The article is divided into two parts: methodological and empirical. In the former some methods of urban data collecting and analysis are being revealed, while in the latter authors describe some of the results of Manhattan neighbourhood observations collected over the past four years.

Key words: field studies; vernacular area; mental maps; differentiation of urban space; Photo-GPS

References

- Glazkov K.P. Mental'nye karty: ogranicheniya metoda i obraz "chuzhogo" v malom gorode [Mental maps: the method's limitations and a "strange" image in a small town]. *Laboratorium. Zhurnal social'nyh issledovaniy* [Laboratorium. Social research journal], 2015, vol. 7, no 3, pp. 106–117. (In Russian.)
- Goncharov R.V., Sapanov P.M., Yashunsky A.D. Tekhnologiya sbora prostranstvennykh dannykh v polevykh gorodskikh issledovaniyakh [Technology of spatial data collection in field urban studies]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power], 2013, no 3, pp. 57–72. (In Russian.)
- Pavlyuk S.G. Metodika differenciacii gorodskogo prostranstva (na primerah gorodov Rossii, Zapadnoj Evropy i SSHA) [Methodology of differentiation of urban space (on examples of cities in Russia, Western Europe and the USA)]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2015, no 2, pp. 26–36. (In Russian.)
- Puzanov K.A. Vnutrigorodskaya samoorganizatsiya obshchestva na primere SSHA, Rossii i stran Evropejskogo Soyuzha [Intra-urban self-organization of society on the example of the USA, Russia and the countries of the European Union]. Avtoreferat diss. kand. geogr. nauk [Abstract of PhD-work]. Moscow: Moscow State University, 2013. (In Russian.)
- Puzanov K.A. Stereotipy vnutrigorodskikh rajonov [Stereotypes of intra-urban areas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2012, series 5: Geografiya, vol. 5, no 2, pp. 13–18. (In Russian.)
- Puzanov K.A. Territorial'nye granicy gorodskikh soobshchestv [Territorial boundaries of urban communities]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power], 2013, no 3, pp. 27–38. (In Russian.)